Георгий Чулков

«Факелы»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Мои публичные лекции собирали толпы моих почитателей. Меня встречали и провожали овациями. Но должен признаться, что этот «успех» не только меня не радовал, но смущал и даже пугал. Я чувствовал, что мои мысли как-то увядают и тускнеют, когда их воспринимает какой-то не совсем мне понятный слушатель и читатель. Я сам, конечно, был в этом виноват. Я сделал слишком сильные психологические ударения на отрицании и слишком тихо и полувнятно произносил ответственные слова об утверждении…»

- Георгий Иванович Чулков
  - I
  - II
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

Георгий Иванович Чулков
«Факелы»

I

Когда закрылась «Вопросы жизни», я почувствовал, что почва колеблется у меня под ногами. Всецело занятый журналом и «с головой ушедший» в тогдашние идейные споры, я по рассеянности забыл устроить себе сносную житейскую обстановку и как-нибудь наладить более или менее прочный быт. Лишившись скромного редакторского жалования, я оказался без крова и без пищи.

Положение мое было тем драматичнее, что меня все знали как одного из руководителей «Вопросов жизни», а этот журнал для интеллигентов был как бельмо на глазу. К тому же я привык печатать все, что хочу, не считаясь с иными вкусами и предубеждениями. И куда понес бы я тогда свои произведения? Почти все журналы, пережившие благополучно кончину «Вопросов жизни», полемизировали с нашим журналом, и я сам метал стрелы во все стороны, не скупясь на сарказм. С большим трудом устроился я в театральном отделе газеты «Товарищ», где я стал писать рецензии[1]. Жалование, впрочем, в качестве заведующего театральным отделом получал не я, а другой литератор, а я довольствовался построчной платой, но зато я нашел трибуну для проповеди символизма на подмостках театров, а мой патрон[2] не очень мешал мне в этом деле, за что я ему до сих пор признателен. Скоро я сделался bete noire[3] для петербургского театрального мира. Этим моим рецензентским опытам и тогдашнему театру я посвящу одну из следующих глав, а сейчас расскажу о судьбе «Факелов» и моего «мистического анархизма».

В те годы – 1906 и 1907, – несмотря на то, что я вовсе не успел тогда обосновать и развить, как следует. мои мысли о «последнем освобождении», они встречали очень горячий отклик среди молодежи. Насмешливая и злобная журнальная полемика со мною, почти ежедневные газетные выпады и даже травля меня некоторыми недавними моими литературными товарищами[4] нисколько не умаляли моей тогдашней популярности.

Мои публичные лекции собирали толпы моих почитателей. Меня встречали и провожали овациями. Но должен признаться, что этот «успех» не только меня не радовал, но смущал и даже пугал. Я чувствовал, что мои мысли как-то увядают и тускнеют, когда их воспринимает какой-то не совсем мне понятный слушатель и читатель. Я сам, конечно, был в этом виноват. Я сделал слишком сильные психологические ударения на отрицании и слишком тихо и полувнятно произносил

ответственные слова об утверждении.

И надо признаться, что корни моего тогдашнего мистического анархизма уходили все-таки в декадентство. А эта почва ненадежная – и, вернее, это вовсе даже не почва, а самая жуткая беспочвенность. Все это было очень связано с концом петербургского периода нашей истории и с надвигавшейся революцией.

Декадентство и революция! «Да ведь это все та же тема, только с другого конца, – думал я, вспоминая слова Достоевского о «русских мальчиках»[5], о Боге и социализме. – Да ведь это все тот же бунт во имя утверждения личности, ее независимости, ее свободы; тут социальное входит в соприкосновение с индивидуальным».

Наши интеллигенты не угадали значения и значительности русского декадентства. Им казалось, что на Западе естественно появление декадентов, ибо там они – плод давней культуры и буржуазного общества, утомленного этой давнею культурою, а в России как будто и нет почвы для этих махровых и ядовитых поэтических цветов[6].

Ошибка наших интеллигентов заключалась в том, что они недооценивали или – даже вернее – проглядели не только органический период нашей истории, т. е. почти восемь столетий, но и период критический[7] т. е. двухсотлетний петербургский период. Взгляды интеллигентов были прикованы к серой, угнетенной, закрепощенной, неграмотной деревне, и эта неравномерность в распределении культурных ценностей не позволяла им беспристрастно взглянуть на те сокровища нашей культуры, которые были, однако, накоплены, несмотря на печальный факт вопиющей социальной несправедливости – факт, впрочем, характерный не для одной России.

Печальный разрыв между утонченностью образованных классов и стихийной первобытностью народа больно задевал нравственное чувство и нравственное сознание. Но этим не умалялась, однако, огромность Пушкина[8], Достоевского, Глинки, Александра Иванова[9], гениальных наших зодчих и своеобразных мыслителей, хотя бы того же Федорова[10] или Вл. Соловьева. Я не говорю о представителях нашей точной науки, а ведь у нас были и Ломоносов, и Лобачевский, и Менделеев… Наши интеллигенты не поняли ни огромности, ни своеобразия нашей культуры. Так же не поняли они и наших декадентов, правомочных наследников Гоголя, Лермонтова и Тютчева, предвосхитивших тайны нашей уже склонявшейся к закату культуры. С легкой руки Н.К. Михайловского утвердилось в русском интеллигентном обществе непонимание декадентства.

Но, кажется, пора уяснить себе, что недаром появились эти люди и что их появление не случайно совпало с падением империи и с действительным кризисом русского национального сознания.

Связь такого явления, как декадентство, с революцией постепенно выяснилась для самих декадентов в течение знаменательного трехлетия от 1903 до 1906 года. Правда, не для всех декадентов эта связь была очевидна. В московском кружке поэтов, объединившихся вокруг журнала «Весы», процветал довольно невинный эстетизм, и этим все дело ограничивалось. Зато в Петербурге вокруг «Нового пути», а потом «Вопросов жизни» и «Факелов» собрались более проницательные люди, уразумевшие смысл событий и свое место в мире. Эти люди прислушивались чутко к грядущей буре. Они понимали что кто-то «поет и насвистывает», что это «прелюдия ко дню восстания из мертвых», как говорит некто в «эпилоге» Ибсена[11].

К этому времени относится появление моей книжки «О мистическом анархизме». Книжка эта, неудачно, неосновательно и торопливо написанная, не заслуживала бы вовсе внимания, и я не решился бы напоминать о ней, если бы ее судьба не была примечательна. Судьба ее, а также другой моей тогдашней брошюры «Анархические идеи в драмах Ибсена»[12], была примечательна тем, что она вызвала необычайно страстную полемику. Ее все старались осмеять – все: и декаденты, и провозвестники «нового религиозного сознания», и марксисты, и народники, и монархисты… Как это ни странно – в течение трех лет на страницах журналов, газет, сборников и книг появлялись все новые и новые статьи и заметки с сердитыми и ядовитыми выпадами против злополучной брошюры и ее автора[13]. Не спасла брошюру и обстоятельнейшая вступительная статья такого почтенного, значительного и ученого писателя, как Вячеслав Иванов. И он подвергся обстрелу со всех сторон. Полемику перенесли даже за границу, на страницы «Mercure de France»[14]. В чем же дело? В те дни я не отдавал себе ясно отчета в причине этого неожиданного литературного вихря, возникшего вокруг моей книжки. Теперь, когда мне довелось написать немало иных книг, я хладнокровно, со стороны, могу посмотреть на этот эпизод моей биографии и понимаю, что причина запальчивой полемики – в самой теме этой брошюры. Неопытный автор слишком громко, неосторожно и поспешно произнес такие слова, какие у многих были на уме. Именно поэтому слова эти всех как-то обидели. Это были слова о кризисе индивидуализма[15], это было осознание нашей петербургской критической культуры, это был, наконец, крик о крушении западной цивилизации…

В защиту автора можно сказать только одно – он вовсе не

претендовал, как ему приписывали, на провозглашение какого-то нового миропонимания. В брошюре было точно сказано: «мистический анархизм не является законченным миросозерцанием» – и в другом месте опять: «мистический анархизм не есть цельное миросозерцание, замкнутое в себе: он является лишь путем»… Но – увы! – этих слов никто не расслышал. И все торопливо с недоброю иронией истолковали мистический анархизм как проповедь «анархического мистицизма»[16], т. е. как проповедь какого-то бесформенного, безрелигиозного, темного, демонического мистицизма – обвинение в самом деле тяжкое. Обвинение это было тем более тяжко, что в событиях самой жизни и в явлениях культуры в те дни такой темный анархический мистицизм воистину торжествовал. Это была правда, а не выдумка. Тогда дьяволы сеяли семена бури[17].

II

Декадентство – не только литература. Декадентство – за пределами какой угодно эстетической категории. Декадентство выходит даже за пределы психологизма. В нем есть своя изначальная сущность. Декадентство есть прежде всего своеволие, отъединение, самоутверждение, беззаконие. В мистическом анархизме эта тема бунта нашла свое предельное выражение. Это был внутренний мятеж самоопределяющейся личности. Но всякая идея, доведенная до своего предельного развития, вызывает диалектически иную идею, прямо противоположную. В мистическом анархизме личность дошла до предельного отрицания. Этим самым предопределялся кризис декадентства. Возникала неизбежная антиномия. И опыт, и сознание требовали утверждения личности в общественности. Из «непримиримого Нет», по слову поэта, рождалось «слепительное Да»[18]. Это была попытка выяснить, что декадентский бунт есть мнимый бунт, ибо понятие бунта предполагает идею личности, а личность не может утверждать себя одиноко в своей оторванности от мира. Личность может осознать себя лишь в единстве, лишь в полноте бытия, в плероме[19], без коей весь мир распадается на зеркальные осколки множественности и хаотического беспорядка. Вот этой веры в конечное торжество полноты бытия, этой «плеромы наполняющего все во всем» не заметили критики мистического анархизма, и, быть может, в этом повинны были не столько они, сколько сам автор, двусмысленно называвший себя Никодимом[20], ночным собеседником Истины.

Я позволил себе напомнить о мистическом анархизме (не о книжке моей, а, прежде всего, о самой теме и принципе) потому, что в те дни разнообразные социальные круги как бы распались на мельчайшие атомы. Декадентское своеволие, отъединение, обособление, эгоизм – все ото стало характернейшей чертой не только утомленных культурой одиноких эстетов, но и многих вовсе еще как будто нетронутых культурой людей. Торжествовала злокачественная идея, что «все позволено», что нет никаких святынь, нет норм, нет законов, нет догматов, что на все «наплевать». Это уж. конечно, был не мистический анархизм, а самый подлинный анархический мистицизм, то есть идея бунта и своеволия, доведенная до бессмысленности, до темного и зловещего идиотизма. Область непознаваемого и тайного раскрылась, как черная яма, как зияющая могила, как небытие. Человек ужаснулся и, вместо того чтобы поискать истинное бытие, ту Землю, о которой твердил наш гениальнейший «реалист

в высшем смысле», предпочел по нравственной своей слабости «забыться», разгуляться вовсю, махнув на все рукой. Бедняга не замечал, что он идет по жердочке над бездною и что слабый порыв ветра сдунет его, как соломинку, в эту самую яму, на великую радость темной силе.

Скандал с мистическим анархизмом разразился не сразу. На самую идею откликнулись поэты и писатели разных школ и направлений. В первом сборнике «Факелов» я напечатал произведения Вячеслава Иванова, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, Федора Сологуба, Александра Блока, Сергея Городецкого, Вал. Брюсова, а с другой стороны, Леонида Андреева. Ив. Бунина и др. Этот литературный эклектизм должен был, по моей мысли, подчеркнуть, что «Факелы» представляют вовсе не какую-нибудь новую поэтическую школу, а объединяют ревнителей разных школ на одной идейной теме[21]. «Факелы» должны были ознаменовать не литературный, а идейный и психологический кризис. Такова была задача. Но не все это поняли. Так, например, В.Я. Брюсов, сам сотрудник «Факелов», разразился против них бранью в своем журнале «Весы», стараясь истолковать мистический анархизм как новую поэтическую школу. Нелепость подобного истолкования не для всех была очевидна. Тщетно Вяч. Иванов старался защитить «Факелы» на страницах тех же «Весов» от навязанной нам программы[22]: даже те, кто очень хорошо понимали идею «Факелов», делали вид, что они ничего не понимают. Начался литературный скандал. Началась небывалая литературная и личная травля «зачинателя» «Факелов» – Георгия Чулкова.

Вторая книга «Факелов»[23] вышла в 1907 году. В ней, кроме моих статей, были статьи И. Давыдова[24] «Индивидуалистический анархизм», А. Мейера[25] «Бакунин и Маркс», его же «Прошлое и настоящее анархизма», Вяч. Иванова «О любви дерзающей», статья Льва Шестова[26] «Похвала глупости» (направленная против Н.А. Бердяева) и некоторые другие.

И этот сборник вызвал целую бурю негодования. Третья книга[27] заключала в себе опять стихи и художественную прозу. Здесь были напечатаны, между прочим, «Вольные мысли» Александра Блока, мне посвященные поэтом.

notes

Примечания

1

За полтора года существования газеты «Наша жизнь» (впоследствии «Товарищ») Чулковым напечатано более 70 рецензий (в основном на спектакли театра В.Ф. Комиссаржевской, Александринского, Михайловского, Нового и Старинного театра, театра в Териоках и др.).

2

Речь идет или о Л.В. Ходском, основателе газеты, или о редакторе В.В. Португалове.

З

Исчадие ада (*фр.*).

4

Выпады против Г. Чулкова и «мистического анархизма» содержались во многих статьях журнала «Весы»: Аврелий (В.Я. Брюсов) «Факелы» (1906. № 5); его же. «Мистические анархисты» (1906. № 8); А. Крайний (З.Н. Гиппиус) «Иван Александрович Неудачник» (1906. № 8), «Трихина» (1907. № 5); А. Белый «На перевале. VII. Штемпелеванная калоша» (1907. № 5).

5

Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы» (ч. 4, кн. 10). Иносказательное определение русских интеллигентов, спорящих о смысле бытия.

Такой точки зрения придерживался, например, глава русских народников Н.К. Михайловский, развивая ее в статьях «Русское отражение французского символизма» (1893), «Еще о декадентах, символистах и магах» (1893).

7

Деление культуры на органическую и критическую было распространено в культурологии символистов (см.: Вяч. Иванов. «О русской идее»), религиозных философов (В.В. Розанов. «Декаденты»). Сам Чулков оставался сторонником этой концепции до конца жизни (ср. его рассуждение в повести «Вредитель»: «Все гиганты мировой поэзии, начиная с Гомера и кончая Дантом, пламенно верили в богов. Я говорю – кончая Дантом, потому что так называемое «Возрождение» есть уже упадок культуры; начинается уже бесплодная критика и ее прелюбопытная связь с нигилизмом».

8

С 1918 г. Чулков работал над книгой об А.С. Пушкине, которая была завершена к 1921 г., но не появилась в печати. Об этом факте Чулков сообщал в письме к Ф. Сологубу (предположительно в 1922 г.): «Я, кажется, не поеду за границу, хотя у меня есть уже берлинская виза и есть основательные надежды на разрешение выехать из России. Ничего мне не хочется. И никуда я не поеду. Даже окончательное запрещение цензурой моей книги о Пушкине (уже набранной и готовой к печати) не повлияло на мое решение ждать своей участи здесь…» (ОР РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 27. Л. 3). «Жизнь Пушкина» была впервые напечатана в журнале «Новый мир» (1936. № 5-12; отд. издание: ГИХЛ. 1938). По этому поводу в своем дневнике, озаглавленном «Откровенные мысли», Чулков замечал: «Весь этот год прошел для меня под знаком Пушкина. <…> Каким-то чудом с мая по декабрь в журнале публикуется моя работа. Но появится ли отдельной книгой – большой вопрос. <…> Чем кончится эта моя борьба за Пушкина – не знаю. Е.К. Герцык, будучи в Москве, успела прочитать первые две главы и сказала, что она почувствовала за видимо объективным изложением мою руководящую идею. Вот это, вероятно, и злит моих врагов» (23 декабря 1936 г. ОР РГБ. Ф. 371. Карт. 2. Ед. хр. 1. Л. 23). Спустя год 25 декабря 1937 г. он записывает: «В Госиздате печатается «Жизнь Пушкина», искаженная и сокращенная непристойно по воле редактора и зав. отделом. И я все-таки не знаю, выйдет ли эта книга (она должна была выйти год назад). Замечания для будущего моего редактора и текстолога: надо восстановить журнальный текст, но не все: кое-что я сам выкинул <…>. Есть журнальный экземпляр с моими поправками. Моя книга лишена, между прочим, комментария, мною приготовленного. <…>» (Л. 26). А несколько ранее, 5 апреля 1935 г., он формулирует основную идею книги: «Почему Пушкин нам так дорог? Почему так высоко его ценим? Неужели потому, что в нем отразился «процесс Движения русской жизни от «средневековья» к новому буржуазному обществу?» Пусть так-но ведь отразился с «дворянской» точки зрения, по мнению этих истолкователей. Какой же нам толк от этого отражения? Значит, как ни уклоняйся от прямого ответа, а приходится признать, что в Пушкине было нечто, независимое от его дворянства, от его класса, от его даже эпохи. Вот как раз это нечто и есть высокое в его поэзии, то, что будет нужно и дорого «бесклассовому обществу». Какова же сущность его поэзии? Пушкин потому дорог нам, что он

почувствовал мир как живое, цельное и положительное начало. Он за множественностью ущербного мира угадал его первооснову как плерому, как полноту «заполняющего все во всем». Ни один русский поэт не дал такого утверждения бытия, как Пушкин. И это утверждение тем драгоценнее, что оно явилось у поэта не как наивное, идиллическое приятие данности, а прошло через «горнило сомнений». Смысл духовной биографии Пушкина заключается в том, что к середине двадцатых годов, примерно, Пушкин решительно преодолел навязанную ему «проклятым», по его словам, воспитанием французскую цивилизацию и стал ревнителем органической культуры» (л. 15,15 об., 16). О «Пушкиане» Чулкова см.: Михайлова М.В. «…Ничего, кроме Пушкина, в ум нейдет» // Филологические науки. 1997. № 3.

9

Иванов Александр Андреевич (1806–1858) – живописец, для полотен которого характерно сочетание принципов классицизма с философско-романтическими мотивами. Чулков причислял А. Иванова к создателям монументального всенародного искусства, на которое призывал ориентироваться современников (см.: Чулков Г. Демоны и современность // Вчера и сегодня. М., 1916).

10

Федоров Николай Федорович (1823–1903) – религиозный философ. Основной труд «Философия общего дела» является духовной утопией о преодолении смерти.

11

Подразумевается пьеса норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906) «Когда мы, мертвые, пробуждаемся (драматический эпилог в трех действиях)» (1899), основные мотивы которой использовались Чулковым в его лекции «Пробуждаемся мы, мертвецы, или нет?» и повести «Слепые» (1911).

12

«Анархические идеи в драмах Ибсена» опубликованы в 1907 г. издательством «Шиповник».

13

Например, А. Белый «О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах и т. д.» (Золотое руно. 1906. № 10), В. Брюсов (подп. Аврелий) «Мистические анархисты» (Весы. 1906. № 8).

14

Всеобщее недовольство вызвала опубликованная в «Mercure de France» статья Е.П. Семенова (1907. № 242), который причислил к «мистическим анархистам» помимо Чулкова Вяч. Иванова, А. Блока, С. Городецкого, сославшись при этом на свою беседу с Чулковым.

15

«Слова о кризисе индивидуализма» в те годы произносились не одним Чулковым (см. ст.: И в а н о в Вяч. Кризис индивидуализма // Вопросы жизни. 1905. № 9).

К проблеме разграничения этих двух понятий Чулков предполагал вернуться в статье, скорее всего, писавшейся в середине 1910-х гг. Сохранился ее план: «1. Что такое декадентство? 2. Что такое общественность? 3. Предел декадентства – анархический мистицизм. 4. Предел общественности – мистический анархизм. 5. Положительное содержание мистического анархизма – Эрос. 6. Религиозное содержание совершенной общественности – Церковь. 7. Предел церкви – Христос» (Записная книжка. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 107).

17

Написанная в 1908 г. пьеса Чулкова носит название «Семена бури».

18

Здесь Чулков цитирует строку из дифирамба Вяч. Иванова «Огненосцы», полностью звучащую: // Из Хаоса родимого Гляди – Звезда, Звезда! // Из Нет непримиримого Слепительное Да! // (Сборник «Cor Ardens». 1911–1912).

19

Плерома (от греч. *plerome* – полнота, обилие, множество) – термин ортодоксальной и особенно еретической христианской мистики, означающий некую сущность в неусеченном объеме. Во Христе «обитает вся плерома божества телесно». В душе первого человека Адама заключена некая сверхличность, «плерома душ», раскрывающаяся в человеческом множестве, которые составляют органическое целое. Идея «соборности» в философии славянофилов, Вл. Соловьева и Вяч. Иванова во многом питается положениями этой теории.

20

Никодим – по преданию, тайный ученик Христа, посетивший его ночью с целью более глубоко усвоить свет учения Христова (Евангелие от Иоанна. 3:1-21). Фарисей, член синедриона, открыто восстал против первосвященников и фарисеев, когда они посылали служителей схватить Иисуса Христа, помогал Иосифу Аримафейскому при снятии его с креста и погребении. Чулкову был дорог этот образ. В одном из задуманных произведений («Древо познания») должен был действовать учитель Приволин – «по внешности – дикий чудак, по существу – «Никодим» (Записная книжка. РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 10).

21

Первую книгу «Факелов» (1906) открывало следующее предисловие: «Стоустый вопль – «так жить нельзя!» – находит созвучие в сердцах поэтов, и этот мятеж своеобразно преломляется в индивидуальной душе. «Факелы» должны раскрыть – по нашему плану – ту желанную внутреннюю тревогу, которая так характерна для современности. Мы не стремимся к единогласию: лишь одно сближает нас – непримиримое отношение к власти над человеком внешних обязательных норм. Мы полагаем смысл жизни в искании человечеством последней свободы. Мы поднимаем наш факел во имя утверждения личности и во имя свободного союза людей, основанного на любви к будущему преображенному миру».

22

Имеется в виду заметка Вяч. Иванова «О «факельщиках» и других именах собирательных» (1906. № 6).

23

Вторая книга «Факелов» вышла уже без фамилии Г. Чулкова как редактора-издателя на обложке. В сборнике были помещены две его статьи: «Об утверждении личности» (опубликованная ранее в книге «О мистическом анархизме») и «Тайна любви». Впоследствии он писал: «…перечитал свою статью «Об утверждении личности». Эта статья – дурная, и я дорого бы дал, если бы можно было ее изничтожить». (Письмо жене от 6 января 1935 г. – ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 2. Д. 31. Л. 1.).

24

Давыдов Иосиф Александрович (1866–1942) – экономист, философ-эмпириомонист.

25

Мейер Александр Александрович (1875–1939) – философ, публицист, в его книге «Религия и культура» (1909) разрабатывалась культурологическая концепция экзистенциального толка. Анализ философских работ А. Мейера см.: И с у п о в К.Г. Слово как поступок // Вопросы философии. 1992. № 7.

26

Шестов Лев (наст. имя и фамилия Лев Исакович Шварцман; 1866–1938) – философ и писатель, предвосхитивший основные идеи экзистенциализма. Традиционной философии он противопоставил «философию трагедии», в центре которой – абсурдность человеческого существования.

27

Третья книга «Факелов» вышла в 1908 г. с предисловием, в котором говорилось: «Продолжая защищать наши идеи в книгах и сборниках, посвященных вопросам литературно-философским и религиозно-общественным, мы в то же время в области поэзии остаемся верными заявлению, которое сделали раньше: «Полагая, что искусство само по себе является могучим орудием для борьбы с духом мещанства и косности, мы будем стремиться к тому, чтобы наши идейные цели раскрывались не в тенденциозности, а в свободном независимом творчестве».